

Юрий Степанов

КОНЦЕПТЫ

ТОНКАЯ ПЛЕНКА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Юрий Степанов

**Концепты. Тонкая
пленка цивилизации**

«Языки Славянской Культуры»

2007

Степанов Ю. С.

Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов —
«Языки Славянской Культуры», 2007

Ключевым термином этой книги является концепт. Под концептом понимается явление культуры, родственное «понятию» в логике, психологии и философии, исторически – «идеям» Платона. «Идеи – словесные образы бытия, имена – их осуществление» (о. Сергей Булгаков, 1953). Осуществление концепта – это прежде всего его имя, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание, бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное, «недискретное». В нашей книге с этой целью введены две внетекстовые цветные вклейки, как бы «две книги внутри книги». Изучение концептов состоит не в классификации их «осуществлений», а в раскрытии их внутренних мыслительных связей. Поэтому внешним образом книга делится на «главы» (I, II ... IX), а внутренне, концептуально на темы, которые проходят сквозь главы, пересекают их: «Концепты» и «Антиконцепты»; «Минимализация в литературе и искусстве»; «Научное и Художественное»; «Любовь и голод движут миром»; «Сексуальная философия по Саду („садизм“)» и т. д. В совокупности концептов и их тем открывается какое-то новое состояние общественной духовной жизни, не наше, еще общего «имени» («Новая антропология»? «Новая семиотика культуры»? «Цивилизация духа»?).

© Степанов Ю. С., 2007

© Языки Славянской Культуры, 2007

Содержание

I. ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА СЕГОДНЯ. ЕЕ СФЕРА И ПРЕДМЕТ	5
1. Краткий обзор предмета. Ее сфера – весь мир. Метафора Паскаля	5
2. Понятие «гуманитарная наука» – само своеобразный концепт	7
3. Опыты обобщения самого концепта «Гуманитарной науки»	10
II. КОНЦЕПТ	12
1. Концепт. Предварительное определение	12
2. Концепт в «научном» и «ненаучном», в гуманитарной науке вообще. Трудность проблемной ситуации	13
3. Шокирующие термины «так называемое научное», «так называемое художественное». Кавычки как «в а к ц и н а ц и я» при употреблении термина	15
4. Одна базовая синонимия концептов: Концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному»	16
III. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «НАУЧНОЕ».	17
СОЕДИНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ – ИЗОЛИНИИ (ИЗОТЕМЫ)	
1. Изотема 1	17
2. Изотема 2	19
3. Изотема 3	21
4. Изотема 4	23
5. Изотема 5	25
6. Изотема 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Степанов

Концепты. Тонкая пленка цивилизации

I. ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА СЕГОДНЯ. ЕЕ СФЕРА И ПРЕДМЕТ

1. Краткий обзор предмета. Ее сфера – весь мир. Метафора Паскаля

Метафора Паскаля гласит: граница мира – нигде, а его ц е н т р – в е з д е. Представлять себе это лучше всего в виде именно шара, сферы, она не ограничена в пространстве нигде, но центр этой сферы – внутренний мир человека, там, где он, то есть везде.

Данный начальный о б з о р п р е д м е т а может быть, конечно, только п о– верхностным, внешним, из «глубинного» вообще не сложишь образ. Эти слова о «внешнем» являются паразфразой Марины Цветаевой: «Не презирайте внешнего, цвет ваших глаз так же важен, как и их выражение...» Культурологи в настоящее время постоянно обращаются к «внешнему». В л а д и м и р Фещенко даже написал специальную работу «О внешних и внутренних горизонтах семиотики» [Фещенко 2005а: 6]. Впрочем, сказать одновременно, как мы (не Фещенко) сейчас сделали, «в настоящее время» и «постоянно», значит произвести «парадокс», или «амфиболию», или снова «метафору», – словом, целый набор стилизованных терминов (не лучшего вкуса), но это тоже черта гуманитарной науки: ее собственный стиль и границы – предмет ее постоянных забот. Один из основоположников семиотики Ф. де Соссюр с этого и начал: семиотике (у него семиологии) предстоит еще многое сделать, даже уже только для того, чтобы определить свои собственные границы [Соссюр 1933: 40]. Когда в 1917 г. художники Т. Ван Дусбург и П. Мондриан основали новое авангардное направление, то их главный (голландский) орган – журнал, так и был назван «De Stijl» («Стиль»).

Само понятие «внутренний горизонт» меняется. Если обычно оно относилось к слепым, то сейчас к зрению внутреннему – к ментальному, умозрительному (один из замечательных русских примеров – «Умозрение в красках» [Трубецкой 1991]).

Меняются не только произведения, но и с п о с о б ы и х н а з в а н и я. Возьмем нашу собственную данную книгу «Концепты. Тонкая пленка цивилизации». Что это – «название»? Или «собственное имя» данного произведения, продукта?

(Есть же автомобиль «Пежо», мебельный гарнитур «Аленка» и т. п.) Или, может быть, «псевдоним»?

В быту, в современном русском языке эти словосочетания обычно смешиваются. Во всяком случае, необходимо различать если не сами сочетания, то хотя бы то, что за ними стоит. Например, «Белеет парус одинокий» – это, прежде всего, знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова, собственное имя этого стихотворения, под которым его все знают в нашей жизни.

Но это, скорее, псевдоним. У самого Лермонтова стихотворение называется «Парус» (1832 г.)

Валентин Катаев пишет повесть «Белеет парус одинокий» (1936 г.), в которой по смыслу содержания уже нет речи ни о парусе, ни о Лермонтове.

Как же следует отнестись к тому, что написано как наш заголовок книги? Конечно, это собственное имя данной книги. Но поскольку видно, по обложке или по иным признакам, что речь идет о чем–то научном, то у заявленного названия – «Концепты. Тонкая пленка цивилизации»

лизации» – должен быть синоним, мы его также выписываем: «Гуманитарная наука сегодня». Он не поставлен рядом с предыдущим – «Тонкая пленка цивилизации» – просто потому, что по типографским правилам не принято печатать слишком длинные заголовки.

Тем не менее все эти детали находят свое место в содержании наших книг. Конкретно: в типографских различиях, например, в отличиях английского *курсива* от русского [Степанов 2004б: 60–61].

Однако и в случае с «парусом» мы способны различать названные факты посредством относимых нами же самими к ним слов: «стихотворение Лермонтова», тогда это будет общеизвестное со школы, знаменитое «Белеет парус одинокий», или «Лермонтов „Парус“, 1832 г.», или «Катаев, повесть, 1936 г.».

Собственные имена произведений тождественны (для лингвиста они – с и– нонимы). Но само различие (или неразличие) чего—либо тождественного уже составляет научную проблему. Например, по Б. Расселу (в его Гарвардских лекциях 1940 г. [Russell 1980: 103]): «Что неразлично, то тождественно». Как и всюду, даже в рамках этого краткого обзора, прикосновение к какому—либо понятию гуманитарной науки тут же вызывает другое понятие, – вся эта наука пронизана связями и ментальными ассоциациями. В данном случае тезис «Что неразлично, то тождественно» Рассел считает «главным достоинством своей логической теории», влекущим к рассмотрению «а н а л и т и ч е с к о й и с т и– ны по Канту» («the principal merit of the theory I am advocating is that it makes the identity of indiscernibles analytic»). Но для нашей собственной книги это уже отдельная, следующая глава (II).

2. Понятие «гуманитарная наука» – само своеобразный концепт

Как и всякий концепт или понятие, и данные понятия складываются из определяющих современных признаков, которые нужно обозначить. Обозначить, конечно, не конкретно каким—либо началом, границей сегодняшнего дня, но всё же некоей «актуальностью», что является для нас «сегодняшним», «актуально интересным».

На наших глазах создается всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология, объединяющая разные виды искусств и разделы наук о них. У нее несколько синонимичных обозначений: «философская антропология» (ср. [Малахов 2001]), «философия науки» (ср. [Касавин, Пружников 2001]) и др. Мы оставляем свой названный термин. Это – наука объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение. Под воздействием их контактов изменяются и сами ее «виды». Александр Скрябин в начале XX века начал создавать «Цветомузыку», Стефан Малларме, без названия, «словомузыку» (его очерк назывался «La Musique et les Lettres» – «Музыка и Словесность», 1894 г.), и он же – новый взгляд на поэтическое произведение, на «поэтическую строку» («Le mystère dans les lettres» – «Тайна в произведениях словесности», 1896 г. и «Le Livre, instrument spirituel» – «Книга – духовный инструмент»).

Его ученик Поль Валери развил эти идеи в разных отношениях, из которых сейчас подчеркнем главным образом «Poésie et Pensée abstraite» – «Поэзия и Абстрактное мышление», 1939 г.

Наука о словесности, особенно в России в последние годы, развилась в учение «о словесном вообще» – о «дискурсе» и «дискурсах». Во встречном движении, идущем от биологических наук, неожиданно пришли в соприкосновение термины «дискурс» и «ценоз», притом так плотно, что нельзя даже найти их начальных авторов. Под ц е н о з о м «в сочетании с обозначением какой—либо систематической группы (зоо-, фито-, микробо—и т. п.)» понимают «функциональное объединение особей и частей популяций этих групп в некое целое, т. е. любое сообщество организмов» [Реймерс 1991: 478]. Под дискурсом понимают «устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев 2006: 9]. Разница между дискурсом и биологическим понятием лишь в том, что гуманитарии абстрагируются от физических особей, определяя их только через семиотический способ их общения.

Конкретно, в книгах (т. е. в текстах) наших дней эти понятия возникают вполне терминологически в биологии (я бы даже сказал в «Философской биологии») – в книге: Б. Н. Б е л и н ц е в «Физические основы биологического формообразования. Под ред. М. В. Волькенштейна». М., Наука, Главная редакция физ. – мат. литературы 1991 (с. 11 и др.), и книге: Г. П. Щедровицкий «Знак и деятельность. 34 лекции 1971–1979 годов. Кн. I.». Издат. фирма «Восточная литература» РАН. М., 2005 (см. Указатель понятий. С. 443–459).

Естественно, то, что является конкретным объектом в той или иной науке, не может быть таковым для другой науки. «Особи» для зоологии и «особи» для ботаники уже нечто различное. «Скопления» для астрономии («звездные скопления») и для биологии («клеточные скопления») – столь же очевидно разные объекты. И т. п. Так что обобщения языкового типа как «общие термины в языках науки» в этой связи тоже рассматриваться не могут. Единственно возможным может служить ответ на вопрос «Что является конкретным объектом для современной гуманитарной науки?». Заметим, что, в сущности, это тот же самый вопрос, с которого начинала античная наука эпохи Аристотеля: «объектом» является не нечто, определенное как «объект», а нечто, определенное как «о б ъ е к т д л я той или иной науки».

Применительно к нашей науке – «всеобщей гуманитарной науке» – объекты эти должны носить характер «а н с а м б л е й», – масс, групп, классов, сообществ явлений, т. е. быть м н о ж е с т в а м и чего—то.

Объекты эти должны быть – опять—таки, пусть л и ш ь с т о ч к и з р е н и я обычного языка – достаточно определенными, т. е. прежде всего именно как «множества».

«Теория множеств как математическая дисциплина». «Согласно канторовскому определению, *множество* есть любое собрание определенных и различимых между собой объектов нашей интуиции или интеллекта, мыслимое как единое целое; эти объекты называются *элементами* множества. [...] Канторовская формулировка допускает рассматривать множества, элементы которых по той или иной причине нельзя точно узнать» [Столл 1965, 13].

Почти всем понятиям множеств, во всяком случае в рамках названной книги, легко найдутся обычные языковые термины у культуролога. Но вот все же некоторые случаи иного, т. е. отсутствия такого легко находимого соответствия. Таково понятие *границы*. Представим себе, что мы считаем числа в направлении нормального числового ряда, отмечая аналогичным образом какую—либо естественную границу ряда: группа из трех чисел 1, 2, 3 завершается числом (3), делящимся без остатка на 3; так же группы 4, 5, 6 и 7, 8, 9; напротив, группы из двух чисел 1, 2 и 3, 4 завершаются числом, делящимся без остатка на 2 и, к тому же, числом, являющимся степенью 2: 2^1 , 2^2 и т. п. То есть такие границы могут играть какую—то роль за пределами математической теории множеств – в культуре и культурологии (несколько таких случаев рассмотрены нами специально в материале индоевропейских культур [Степанов 1989]).

Для философов вообще, в частности философов языка или связанных с языком, вообще понятие границы, граничности не менее важно, чем понятия множество и объект. Напомним лишь замечательную работу А. И. Умова «Вещи, свойства и отношения» [Умов 1963], начиная с его примера «Одно ли и то же человек и голова человека», если они единицы счета – предметы, по которым мы считаем, и т. д. От себя тут добавим, что в современной гуманитарной науке нам важны не только «качественные понимания вещей», «взаимоотношение вещей, свойств и отношений», но даже и то, в рамках какой науки, с помощью каких знаков, производится установление вещей, свойств и отношений и самого я в л е н и я с ч е т а.

Вообще, «граничность» – явление скорее философского свойства, культуролога же, как в нашей теме, интересует прежде всего различность или определенность, возможность идентифицировать объект в связи с нашими действиями в рамках той или иной научной проблемной ситуации, т. е. той или иной науки, – в конечном счете по отношению к языку вообще. Скажем, могут идентифицироваться «нетрадиционно» «лицо», «вещь», «место», «время», «событие» или даже «отношение к событию» в какой—либо нетрадиционной ситуации или тексте. (Эти понятия в данной связи, по крайней мере для русского текста, стали предметом нашей специальной работы «Безличность и неопределенная референция» [Степанов 1988: 226–236] и вслед за ней «Философия и непрямая референция» [Вас. Кузнецов 2001: 217–224].)

Нам кажется, что здесь аналогично движется мысль Вас. Ю. Кузнецова, когда он говорит относительно непрямой референции в философии языка: «Непрямая референция принципиально не укладывается в ряд риторических фигур. Она присутствует там и тогда, где и когда прямая референция бессмысленна или невозможна. Достаточно несложно бывает сказать, как и с помощью чего непрямая референция разворачивается, но совершенно бессмысленно спрашивать, к чему именно отсылает, – ведь даже сама возможность ответа на такой вопрос превратила бы ее в прямую референцию. В отличие от метафоры, которую можно уподобить, пожалуй, мосту к другому берегу предметности, [...] непрямая референция похожа скорее на навесной, консольный мост над пропастью, наращиваемый в неизвестность, к невидимой цели» [Вас. Кузнецов 2001, 224].

Ограничимся еще лишь одним культурологическим примером.

Так, русский концепт *Тише едешь – дальше будешь* определяет здесь лицо неопределенно: кто это? – ты, я, он, всякий действующий человек вообще. И в силу этой неопределенности форма оставляет простор для метафор, намеков всякого рода и т. д. Говорят, будто Лев Троцкий в разговоре со Сталиным, уже предчувствуя свою высылку, но не торопясь к ней, сказал:

– Тише едешь, дальше будешь.

На что Сталин, со свойственным ему даром быстрого парирования, ответил:

– Дальше едешь, тише будешь.

(Как известно, Троцкий вскоре, далеко от Москвы, в Мексике, был убит по приказу Сталина.)

Понятно, что, имея в виду нашу задачу – гуманитарную науку в целом, невозможно и нет необходимости стремиться перечислять ее объекты так, как это делается в конкретных таксономиях биологии, географии и т. д., необходимо определить ее главный объект – к о н ц е п т.

3. Опыты обобщения самого концепта «Гуманитарной науки» От «Новой Науки» Дж. Вико и семиотики к «всеобщей антропологии» наших дней и «сверхпрагматике»

Термина «всеобщая антропология» еще нет. Но ощущение его необходимости уже есть. И первым, как нам думается, осознал это Джамбаттиста Вико еще в 1725 г. Можно считать, что на протяжении двух с половиной веков не прекращались устремления мыслителей в сфере культурологии и философии в этом направлении.

Обратимся в новейшему обобщающему изданию в нашей стране – «Новая философская энциклопедия в четырех томах» [Новая философская энциклопедия 2000–2001]. Мы найдем в нем под общим термином «Антропология»: «Антропология социальная (культурная)», «Антропология философская, или Философская антропология», «Антропология христианская», «Аскетическая антропология», «Антропология католическая» и более частные, специальные: «Антропология тела» (автор В. А. Подорога), «Антропология с прагматической точки зрения» (термин Канта) (автор статьи Е. В. Ознобкина) и десятки упоминаний в разных других статьях.

Процитируем несколько определений: «Антропология социальная (культурная)» – «область знания, объединяющая ряд полуавтономных дисциплин, которая занималась в первую очередь обществами, изолированными от письменной исторической традиции... [В настоящее время. – Ю. С.] большой интерес представляет методологическое взаимодействие социальной антропологии и других социогуманитарных дисциплин и философии» (автор статьи Н. Н. Козлова; т. I, с. 132).

«Философская антропология» – «в широком смысле слова – философское учение о ч е л о в е к е, его „сущности“ и „природе“; в этом значении охватывает самые разные философские направления в той мере, в какой в их рамках представлены те или иные способы осмысления человека, и пронизывает собой всю историю философии. [...] В современной антропологической философии можно проследить две основные парадигмы: парадигму „жизни“ и парадигму „существования“, или „экзистенции“. Первая восходит к Ницше, вторая к Кьеркегору» (см. [Малахов 2001]). В рамках парадигмы жизни развиваются весьма различные антропологические концепции (упоминается, в частности, философски ориентированная биология (Я. Икскуль) (см. [Малахов 2001], см. также [Uexkull 1909], [Uexkull 1940; 1956; 1958; 1962], [Степанов 1971: 147] – примеч. наше. – Ю. С.).

В рамках парадигмы Кьеркегора развивается понятие «экзистенции»» (см. также в данной книге в связи с Сартром и Г. Ивановым. – Ю. С.) (автор статьи В. С. Малахов. Новая философская энциклопедия. Т. IV. С. 241).

Но, конечно, при всех обобщениях современной антропологии мы, в данной книге, не можем обойти именно специальных обобщений, важных в нашей связи. Из них в данном Введении остановимся лишь на нескольких.

Дискурс. Это более современный синоним для понятия язык, поделенный на подязыки (язык как множество элементов, поделенное на подмножества).

«Термин „дискурс“ на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев 2006: 9]. «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [Тюпа 1996: 12].

«Дискурс – произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некото-

рого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько темой и дискурсом для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который „строится“ по ходу развертывания дискурса...» [Демьянков 1982: 7].

С у п е р п р а г м а т и к а. Этот термин непосредственно включает нас во «всеобщую антропологию». Но сам он – завершение обычного в семиотике ряда: семантика, синтактика, прагматика. И «завершение» в этом ключе потребовало нового исследования [Ревзина 2005]. О. Г. Ревзина, к которой мы присоединяемся, – последовательный семиотик (семиотист, семиолог), она считает необходимым обратиться к ближайшей истории семиотики и культурологии, хотя бы к системе М. Фуко. Последний «пользуется такими квалификациями, как критический, религиозный, юридический, экономический, политический дискурсы, которые апеллируют к формациям тем и объектов и существуют как пред—данные, подобно естественным родам в их классическом понимании, для которых, собственно говоря, никаких процедур не требуется. Одновременно все процедуры Фуко так или иначе связаны с человеческими установлениями и теми самими „антропологическими концептами“ (субъект, автор, индивид), которые он же сам называл „мало осмысленными общностями“. Таким образом, по одной логике дискурсивные (дискурсные. – Ю. С.) формации объективны и не зависят от человека, а по другой – они создаются социумом и контролируются им» [Ревзина 2005: 69].

Далее О. Г. Ревзина делает примечательное обобщение: «Между языковой концептуализацией и прагматикой есть, как будто, соответствие: и там, и здесь – область свободы. А живучесть художественного дискурса (во всем многообразии его исторических модификаций) заставляет думать о некоей сверхпрагматике. [...] В самом широком смысле слова культура – это то, что отличает именно человека как *homo sapiens*. Но ничто в культуре не претендует на вторичное сотворение мира. Подобной прерогативой располагает только художественный дискурс, причем с помощью именно того средства, которое (в его полноценном виде) дано только человеку. Таким образом, „сверхпрагматика“ художественного дискурса, возможно, состоит в подтверждении идентификации „человека как творца“, и он сам мыслит о себе как „искушаемый дьяволом или благословляемый Богом“ – творец» [Ревзина 2005: 77].

Естественно, что автор данной книги о концептах должен как—то обозначить свое скромное отличие. Оно состоит в отличии его собственного предмета.

Это сами концепты – это «тонкие пленки», но когда они складываются в мозаику, рождается Новая всеобщая антропология.

Автор не может не воскликнуть вслед за Ламартином: человечество – это ткач, который тклет свой гобелен, видя его лишь с рабочей изнанки, как хаос узелков и обрывков нитей, но настанет день, ткач зайдет с лицевой, парадной стороны – и увидит божественной красоты чудо!..

II. КОНЦЕПТ

1. Концепт. Предварительное определение

С внешней стороны, концепты – это просто фразы, обрывки фраз и узелков, но это «тонкие фразы», такие, за которыми в нашем сознании возникает как бы уже давно знакомое содержание:

– *Кто последний? Я за вами...* – ситуация в очереди ожидания – в магазин, к врачу, в кассу за билетами. Ситуация может разворачиваться: *Вы здесь не стояли!* Это все еще бытовой концепт. Но вот художник слова (Анна Ахматова) придает ему более широкий смысл – выталкивание человека из жизни вообще, и концепт существует уже в этой, чуть—чуть иронической, форме: «Вас здесь не стояло!» Мы (а не мы, так другие, – кто—нибудь, кто помнит) можем вспомнить и самую начальную (печальную) ситуацию:

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как—то раз кто—то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать? И я сказала:

– Могу.

Тогда что—то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

(Анна Ахматова. 1 апреля 1957 года, Ленинград).

Концепт можно определить как понятие, но *понятие*, расширенное в результате всей современной научной ситуации.

Понятие без такого расширения – это предмет науки логики, описание наиболее общих и существенных признаков предмета, указание его ближайшего рода и отличия его вида, т. е. рода и видового отличия.

Концепт же – предмет иной науки – культурологии и описание типичной ситуации культуры.

Понятие «определяется», концепт же «переживается». Он включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно—художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций. В этом смысле предмет нашей книги – это «наука о ненаучно м».

Но, с другой стороны, концепт отличает и еще одна, отмеченная уже особенность – его минимальность, или минимализация. Не будь ее, и сама наука не могла бы состояться: никто не может по—человечески (т. е. если это не компьютер) оперировать чрезмерно большими массивами информации в режиме реального времени.

Поэтому наша наука – это и «наука о кратком». На какое—то время она оказалась забыта, а ведь была: латинские *дигесты*, чеховская проза – «проза должна укладываться в одну минуту»...

Тем самым мы подошли к тому, что составляет собственно основное содержание нашей книги – «Концептам». Но пока еще подошли только в виде «предварительного» определения.

2. Концепт в «научном» и «ненаучном», в гуманитарной науке вообще. Трудность проблемной ситуации

Трудность проблемной ситуации состоит в том, что не существует четкого разделения «научного» и «художественного, ненаучного». Конечно, известно определение Канта: «художественное» основано на «критике эстетической способности суждения», и ниже мы в деталях обратимся к этой критике. Но сейчас нам необходимо краткое (предварительное, «рабочее») определение. Им оказывается следующее, всем известное различие: ученый стремится повторить с видоизменениями, развить какое—либо положение (тезис, утверждение) своего предшественника, следствием чего является всеми п р и з н а в а е м о е з а н о в о е научное положение, тезис, утверждение; художник же стремится всеми силами избежать повторения по отношению к своему предшественнику; если этого ему не удастся сделать, то его результат н е б у д е т п р и з н а н новым художественным произведением, а только в лучшем случае к о п и е й, п о д р а ж а н и е м, пастиш (франц.), пастиччо (итал.).

На этом основании к н а у ч н ы м мы отнесем такие концепты, которые формируются как синонимичные, минимум парами, являются п а р н ы м и у т в е р ж д е н и я м и (или в большем количестве), н е я в л я ю т с я и з о л и р о в а н н ы м и. Нашим английским эквивалентом будет термин «и з о л я т», isolate (мы употребляли его уже в конце 1960–х гг. [Степанов 1971: 68–71]); т. е. изолят сам по себе может быть отграничен от чего—то другого в том же роде, но для своего понимания обязательно требует пары. В лингвистике, как это ни парадоксально, лучшими синонимами являются а н т о н и м ы. (В лингвистике более точным термином служит б и н а р н а я о п п о з и ц и я.)

Напротив, н е н а у ч н ы м и, х у д о ж е с т в е н н ы м и в нашем понимании будут такие концепты, которые при обычном, естественном употреблении языка не поддаются парному утверждению, являются «абсолютными и з о л я т а м и».

В группу (в класс, множество, ансамбль и т. п.) научного мы отнесем парные утверждения «синонимично—антонимичного» типа: «нечто одно – это то же самое, что и нечто другое, но при некоторых несущественных отличиях». При записи в виде предложений—утверждений они соединяются знаком &.

Поэтому вполне возможно следующее разделение: художественное может быть определено путем отрицания от научного: художественное – не научное.

(Нетрудно заметить, что семиотическое определение знака подпадает под этот разряд («что—то, что стоит вместо чего—то», латин. Aliquid quid stat pro aliquo».) В нашей книге о концептах этому специфическому явлению ниже будет посвящен особый раздел под названием «Прозрачность знака».)

Могло бы сложиться впечатление, что концепты – достояние только чего—то «художественного», во всяком случае, людей, занимающихся литературой, искусством и науками о них. Это впечатление должно быть рассеяно.

Наша книга имеет целью представить всю актуальную гуманитарную науку. Но «представить всю» не значит «охватить всю». Наш способ представления можно сравнить внешним образом с зондажем типа «буровой скважины». («Буровая скважина – технически оснащенная горная выработка почти цилиндрической формы, протяженность ствола которой во много раз больше ее диаметра» [Энциклопедия 2000–2001: 378].)

Здесь мы используем свой текст, опубликованный в материалах к недавно проведенной конференции [Степанов 2006: 10 и сл.]. Там, в коротких докладах глубокий, «вертикальный» текст во много раз глубже словесного «горизонтального».

Конференция, как и современная гуманитарная наука вообще, создает особый жанр и стиль общения, которые задают и свой ритм. Это не классификация «областей науки», а неко-

торый перечень творческих импульсов, идей, возникающих в жанре личных встреч – личные творческие коды в ритме общения.

Тем не менее необходимо указать не только «перечень», но и некоторые особенно значимые контакты, линии пересечения таких импульсов. Эти линии не имеют собственного обозначения, «список ВАК'а», понятно, не подходит. Я не нахожу лучшего обозначения, как принять любое сочетание терминов, начинающихся с префикса «ИЗО-» – изобары, изотермы, изоглоссы и т. п. Предпочитаю назвать их, как линии пересечения исследовательских тем, – **ИЗОТЕМЫ**. Обозначаю их для краткости фамилиями исследователей (без имен—отчеств), которые в большинстве случаев (но не только они) являются активными деятелями науки, в частности, названной конференции. **Изотемы** – это и есть **концепты** в их не художественном, а общенаучном ареале. Итак, – **ИЗОТЕМЫ**.

Нижеследующее представляет собой обзор, некоторый примерный перечень конкретных объектов, и з о т е м, современной гуманитарной науки, прежде всего, как он сложился для читателя, т. е. автора, в ходе названной конференции 2006 г., и шире вообще, т. е. прежде всего как «Н а у ч н о е».

3. Шокирующие термины «так называемое научное», «так называемое художественное». Кавычки как «в а к ц и н а ц и я» при употреблении термина

«Шокирующим» должен был бы быть сам термин «шокирующее» (из интервью по телевидению: «В российской школе так мало гуманитарного креатива, это нас шокирует»). Но в нашем тексте все как раз на месте: слова «так называемое» обозначают то, что не все современные читатели (зрители) готовы принять без этого определения, – просто «научное» и просто «художественное», что так только называют, но не считают таковым в действительности.

Но с таким ограничением им (и нам) придется согласиться, – таково оправданное употребление в рамках данной книги.

Вообще же желающим обсудить именно наше употребление терминов можно рекомендовать начать с более простого, например, с работы (кстати, одновременно и научной, и художественной) британца Дж. Остина о трех терминах «Три способа разлить чернила» [Austin 1970: 272–287]. Эти три способа в английском языке таковы: *intentionally*, *deliberately*, *on purpose*. Над русскими соответствиями, конечно, придется подумать, даже глаголов будет не один, а два: «пролить» – скорее, случайно, «разлить» – скорее, обдуманно. Раздраженному русскому читателю напомним только, что и для «англоговорящих» Остина и его друзей задача начиналась (в первом тексте) с вполне серьезного мероприятия – юридического симпозиума «Ответственность» («Responsibility» 1960).

Слова «так называемое.», которые окружают приведенные термины в нашем тексте, являются, очевидно, способом у м е н ь ш и т ь о т в е т с т в е н – но с ь за употребление этих терминов. Об ответственности, как мы только что подчеркнули, говорили и англоамериканские культурологи—лингвисты на своем симпозиуме о синонимах. Очень тонко в русской речи подметил это явление академик В. В. Виноградов в 1970–е годы: многие пишущие и цитирующие ставят кавычки вокруг использованных ими терминов просто для того, чтобы снять с себя ответственность за то, что они употребили эти термины. К этому способу изложения приходится прибегнуть и нам при обследовании концептов, особенно в таких «нестандартных» случаях, как описание некоторых концептов в философии маркиза де Сада (например, «садизма») (в гл. VIII).

Но то же явление «кавычек», «закавычивания» можно описать еще и иначе – как своеобразную в а к ц и н а ц и ю при прямом изложении, как терапевтический культурологический процесс (в главе VII, 2 и VIII).

4. Одна базовая синонимия концептов: Концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному»

Это заключение, начатое двумя ранее упомянутыми определениями «научное» и «художественное», образует два отдельных раздела (ниже, главы III и IV). «Научное» в нашей книге излагает соединения концептов, «Художественное» – неповторимые несоединимые концепты.

Но затем им будет еще раз предпослано развитие их различий в аспекте м и н и м а л и з а ц и и культурных процессов (глава V).

III. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «НАУЧНОЕ». СОЕДИНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ – ИЗОЛИНИИ (ИЗОТЕМЫ)

1. Изотема 1

Термины с морфемой *изо*—как функции особого вида

Термины, начинающиеся морфемой *изо*-, означают линии на карте, соединяющие точки с одинаковым значением или с одинаковой степенью какого—либо явления: *изобары* – с одинаковым атмосферным давлением, *изотермы* – с одинаковой температурой, *изонеты* – с одинаковой облачностью, *изобаты* – с равными глубинами водоемов, *изокоты* – линии равных искажений, возникающие на географической карте в силу особенности ее проекций, и т. д. и т. п.; далее, уже без отношения к географической карте, *изомеры* – химические соединения, одинаковые по составу и молекулярной массе, и т. д. и т. п.

Изотемы – это соединения изотерминов, характеризующие уже самих исследователей, принятые у этих исследователей термины. Например (см. ниже Изотема 1), *философия* – обычный традиционный термин в России, как в журнале «Вопросы философии», а *философствование* – новый термин, как в журнале «Философствование». Их соединение – это уже небольшая изотема. Изотемы – основной каркас («карта») современной гуманитарной науки, ее обобщенный словарь.

Обратим внимание на некоторые его особенности.

Поскольку сочетания *изо*– + *какой—либо научный термин* употребляются в достаточно большом количестве случаев и составляющие их термины достаточно четко определимы, они могут рассматриваться как функции особого вида в логико—математическом смысле: «Функция есть *операция*, которая, будучи применена к чему—то как к *аргументу*, дает некоторую вещь в качестве *значения* функции для данного аргумента. Не требуется, чтобы функция была применима к любой возможной вещи как к аргументу, напротив, в природе всякой функции скорее лежит свойство быть применимой лишь к некоторым вещам и, будучи примененной к одной из них как к аргументу, давать некоторое значение. Вещи, к которым функция применима, составляют *область определения* функции, а значения составляют *область значений* функции. Сама функция состоит в определении некоторого значения для каждого аргумента из области определения функции» [Черч 1960: 24].

Понятие функции во всех основных смыслах, важных для культурологии, составляет параллель для математики и логики, как видно в этом определении А. Черча, с одной стороны, и определении В. Я. Проппа в его знаменитой книге 1928 г. «Морфология сказки». Сравним у В. Я. Проппа: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия.

I. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.

II. Число функций, известных волшебной сказке, – ограничено» [Пропп 1928: 31].

Изотемы являются функциями, поскольку знак «*изо*» играет роль показателя *операции*, а именно соединения двух терминов, выступающих как *аргументы*, а аргументами являются наименования объектов научных дисциплин.

Понятие *ф у н к ц и и* в логико—математическом смысле, – а теперь мы видим, что и в смысле культурологическом, – очень важно для современной гуманитарной науки. Простейшим (т. е. простейшим для данной части нашего текста) примером могут служить все русские слова, у которых «левый» элемент указывает материальную сферу деятельности, а «правый» – отдельный предмет этой деятельности (для ясности в отступление от орфографии соединяем их дефисом): *снего—очиститель, газо—провод, торфо—укладчик, нефте—скважина*; семантические отношения могут меняться местами в отдельных случаях: *снего—уборка, га—зо—добыча, торфо—разработка, нефте—компания* и т. п.

Процесс этот носит универсальный характер. Философ Вас. Ю. Кузнецов в своей работе «Утопия в современной философии» показал, что в реальной практике философов имеется огромное количество словосочетаний, где роль такого же «левого» термина играет *философия*: философия науки, философия искусства, философия истории, философия математики – в общем употреблении и, у отдельных авторов, – *философия символических форм* (в книге Э. Кассире—ра), *философия пола и любви* Н. А. Бердяева (в книге Ю. Ю. Черного) (доклад Вас. Ю. Кузнецова был прочитан на семинаре Ю. С. Степанова «Современная философия языка» в Институте языкознания РАН в Москве в январе 2004 г.).

Ввиду важности математической роли функции мы поднимаем ее в ранге – из терминов *в и з о т е м ы* (далее).

2. Изотема 2

Расширенное замечание к понятию изотема в целом

Как и в других случаях «изотем», «разделов», «отраслей наук» и т. д., проблема здесь, в сущности, одна и та же – как их именовать? К примеру,

перед нами в начале линии нашего исследования, **в изотеме 7** (здесь ниже), такой предмет, как «элемент реальной звучащей человеческой речи – а к у с т и – ческий импульс», а в конце этой изотемы понятие энтропии. Очевидно, что у этих двух предметов разный масштаб – в первом случае это масштаб отдела языковедческой науки, фонетики, а во втором – общенаучный масштаб теории информации, мера неопределенности ситуации. Во всех таких случаях мы пренебрегаем разностью масштабов: один предмет столь же предмет, как и всякий другой, «импульс» в языковедческой науке и «энтропия» в плане мироздания – равно «*изо* явления», сближенные, следовательно, только способом построения нашей книги.

Но, конечно, за этой «случайностью книжной страницы» все же проглядывает какая-то «установка», какая-то специфическая «предвзятость», короче, какой-то «с т и л ь». Он и здесь очевиден, – стремление не к «крупномасштабному», не к «египетским пирамидам», а скорее к минимализации, к тонким ментальным движениям, к «тонкой пленке» цивилизации. Этитер—мины постоянно возникают в различных местах данной книги.

Обозначив, в разных местах, понятия соединений и пересечений концептов как «межнациональное» и «межнаучное», а также «межхудожественное» (термин, конечно, неудачный, но это только из—за отсутствия в русском языке прилагательного для обозначения целой области, лежащей «меж искусствами»), мы, естественно, подходим к проблеме новых соединений—пересечений, происходящих в к о н ц е п т а х р а з н ы х о б л а с т е й. Для этого нам удалось изобрести только один подходящий термин (но он, к сожалению, английский): cross conceptual (по аналогии с cross cultural), т. е. кросс—концептное.

Линии кросс—концептное (кросс—концептуальное) и изо— именуют, в сущности, одно и то же, но первая, скорее, по содержанию, а вторая по форме.

Понятие изоглоссы очень важно для культурологии. Однако выяснилась и его недостаточность, связанная прежде всего с тем, что слово – единица двоякая: фонетически слова могут лежать в одной изоглоссе, например, рус. *невеста* «девушка, сговоренная замуж», *невестка* «жена сына по отношению к его матери, свекрови», а семантически совсем в разных, рус. *невестка* (в указ. знач.), в литературном языке и в московской области, и *сноха*, то же, что *невестка* в тамбовской и костромской областях. И это две разные изоглоссы. Такое обычное понятие, как «стол» (обеденный) связано по происхождению в рус. языке с понятием «*расстилать, постилать* (напр., *скатерть*)»; в немецком *discus* «миска, блюдо и подставка под нее», «диск»; во французском *table* «доска»; в испанском и португальском – от латин. *mensa*, в первом значении «ритуальный, сакральный пирог, разделенный крестом на четыре части, подобно древнеиндийскому „мандала“».

В нашей книге необходимо обозначать явления, как—то связанные с понятием культуры, но в специфическом ее виде – как «тонкие пленки» цивилизации, или, как мы теперь видим, часто даже не «пленки» как поверхности на чем—то, а только линии внутри них, соединяющие некоторые точки. Во многих случаях такого понятия еще нет, хотя само понятие, по крайней мере ощущение в его необходимости, уже есть. Например, так, на наш взгляд, можно связать некоторой изоглоссой то, что обозначено в заголовке новой книги:

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно—образовательный форум по международным отношениям, 2005. 344 с.

Впрочем, обозначить эту изоглоссу описательно достаточно трудно. С одной стороны, ясно, что речь идет о каких-то точках территории, которые как раз и могут быть связаны изоглоссой. Но, с другой стороны, трудно описать каждую такую точку внутри нее. Что в ней происходит?

– Какой-то этнический процесс, который одновременно и процесс политический, и процесс лингвистический (поскольку затрагивается язык). И притом происходят конфликты. (Понятие «конфликтология» мы введем ниже в наш обзор «изотем».)

Изотемы вообще – это, в сущности, части некоего воображаемого двуязычного, наподобие «русско—английского», с л о в а р я, в котором сопоставленные термины принадлежат один одной, а другой другой научной области гуманитарной науки.

Мы соединяем их термины не знаком «тире», а более специфическим знаком &.

3. Изотема 3

Философия & Философование & Философия в контексте современной гуманитарной науки

Если, как мы видели выше, во Франции в 1939 г. под пером Поля Валери «поэзия» и «философия» (а точнее, по—французски «la pensée philosophique» – «философская мысль») уже пришли в соприкосновение как предметы общей гуманитарной науки, то подобные же процессы происходят – и, может быть, более определенно – и в России наших дней.

В новейшем издании «Новая философская энциклопедия» [Новая философская энциклопедия 2000–2001] под термином «Ф и л о с о ф и я» (т. IV, автор статьи В. С. Степин. С. 195) читаем ее определение: «Особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни». Но уже ближайшие в этом томе статьи очевидно воспринимаются – именно как необходимые, наших дней – дополнения. Специально укажем следующее: «Ф и л о с о ф и я науки – философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; специальная философская дисциплина, предметом которой является наука» (с. 218. Авторы И. Т. Касавин, Б. И. Пружников); в сущности

рассматривается «расширение предметного поля философии науки» (с. 220. Разрядка моя. Сравним нашу гл. I, 1 здесь – Ю. С.). Далее, в том же цикле статей отметим: «Ф и л о с о ф с к а я а н т р о п о л о г и я – в широком смысле слова – философское учение о человеке, его „сущности“ и „природе“, в этом значении охватывает самые разные философские направления в той мере, в какой в их рамках представлены те или иные способы осмысления человека, и пронизывает собой всю историю философии» (с. 241. Автор В. С. Малахов).

Подобные актуальные расширения и видоизменения понятия «Философия» пронизывают многие специальные философские журналы наших дней, заслоня собой – по—видимому, справедливо – такие уже немолодые издания, как «Вопросы философии». Сравним, например, журналы «Эпистемология & Философия» (т. 1, № 1, с 2004 г.), «Ф и л о с о ф с к и е исследования» (с 2004 г.). Из последнего издания подчеркнем для нашей темы статью В. С. Швырева «От классического к современному типу рациональности» (2004/1): «Современная эволюционная эпистемология исходит из признания и даже подчеркивания принципиальной предпосылочности всякого познавательного отношения к миру» (с. 38); в этом усматривается три ключевых момента: 1) сама рациональность является априорной идеей, 2) но эта априорность о т н о с и т е л ь н а, т. е. исходные предпосылки тех или иных познавательных моделей формируются в п р о ц е с с е эволюции познания и в этом смысле они а п о–стериорны (там же). Упомянутая работа может (за небольшими, с нашей точки зрения исключениями, например, перекосом в сторону концепции М. М. Бахтина) расширить наши представления о гуманитарной науке сегодня, в связи с обращением автора к таким работам, как: [Розин 1997] – о гуманитарной парадигме в психологии; [Мухелишвили, Шрейдер 1995].

В том же журнале «Философские исследования» (2004/2) особенно привлекает в связи с нашей темой статья Г. П. Юркевича «Философия и философование» с его базовыми тезисами: «Философия не наука», «Философия не мировоззрение», «Философия – это искусство» и далее (со ссылкой на А. Л. Никифорова) формирование нового термина как направления гуманитарной науки – «Ф и л о с о ф о в е д е н и е».

Приведенная здесь совокупность терминов – лишь частный пример того, что вообще характеризует гуманитарную науку. Она всегда представляет собой «и с с л е д о в а т е л ь с к о е

предметное поле», а не «точку». И это не только в «ведущих» и «столичных» изданиях, но именно во всем «поле». Сравним, к примеру, широкий по составу авторов сборник «Философия в российской провинции» [Касьян 2003] (сборник имеет подзаголовок «Нижний Новгород XX век») или блестящие работы представителя саратовской школы В. С. Юр—ченко (1927–1998) «Языковое поле. Лингвофилософский очерк» [Юрченко 1996], «Очерки по философии языка и философии языкознания» [Юрченко 2000].

А в плане тематических границ «предметного поля» упомяну свою собственную «начальную» работу 1975 г. «Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики» [Степанов 1975].

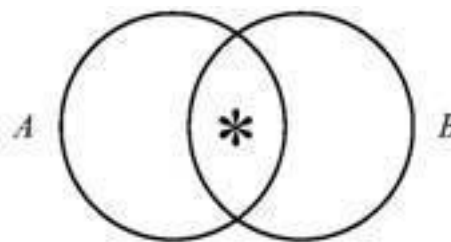
Теперь вернемся еще раз к нашей упомянутой Конференции 2006, к профилируемым в ней изотемам.

4. Изотема 4

Язык, языки. Языки в «волновой теории» И. Шмидта & Диаграммы Венна & Концепция «семейных сходств» Л. Витгенштейна

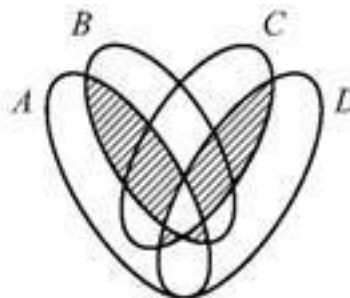
Термин «волновая теория» возник в языкознании применительно к индоевропейским языкам в замечательной работе немецкого языковеда И о х а н н а Шмидта 1872 г. «Отношения родства индогерманских языков» [Schmidt 1872] (в духе того времени «индогерманскими» названы индоевропейские языки, «отношения родства» по тогдашней немецкой орфографии). На детальнейше обследованном материале И. Шмидт показал, что о д н и и т е ж е к о р н и (с необходимым учетом изменений их форм) распределяются по этим языкам «пучками», или «группами»: одна какая—либо группа корней оказывается в одной какой—нибудь группе языков (скажем, северных), другая в другой (скажем, германских и славянских), третья в третьей (скажем, балтийских и германских), четвертая в четвертой (скажем, балтийских и славянских) и т. д., таким образом, языки в своих объемах (множество корней) пересекаются. Пересечения могут быть выражены также диаграммами Венна (Дж. Венн, 1834–1923). Например:

сравнительно простой случай

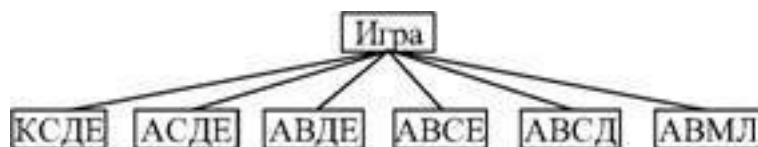
Приведем только один пример того, как выглядит графически предложение «А, которые есть В, совпадают с С, которые есть D», т. е. предложение $AB = CD$:

более сложный случай.

Более сложный, второй случай выражает предложение $ABCD + ABCD + + ABCD + ABCD + ABCD + ABCD = 0$, т. е. здесь нет таких АВ, которые не были бы CD, и таких CD, которые не были бы АВ, и следовательно, нет таких АВ, которые не являются CD.

Л. Витгенштейн («Philosophical Investigations» [Wittgenstein 1953]) применил «Теорию волн» 1872 г. (не упоминая ни концепции, ни ее автора) к своей концепции «семейных сходств»: в многочисленных семьях каждый из детей по—разному похож на всех других, но полностью не тождествен ни одному. Таким способом Витгенштейн пытался определить слово «Игра», состоящее из признаков многих разных игр:

«Теория семейных сходств» в разных подходах использовалась сторонниками Л. Витгенштейна и во всех случаях отвергалась советскими философами (см., напр., И. С. Нарский в кн. [Богомоллов и др. 1978, 199]), не было обращено только (поскольку не обращено самим их источником) внимания на настоящую исходную реальность – сам язык в его социальной и на местности обустроенной реальности, – см. выше.

Для нас «волновая теория» является источником нашей концепции изотем.

5. Изотема 5

Дискурсы гуманитариев & Ценозы биологов (А. Тьюринг, Б. Н. Белинцев и др.) & Ценозы социологов (Б. И. Кудрин, Жан Бодрийяр)

В этой связи **О. Г. Ревзина** подчеркивает то, что выше мы назвали «глубоким вертикальным разрезом»: «Дискурс как информационная структура представляет собой хранилище разных видов знаний. Дискурсные формации представляют собой спецификацию знаний для их применения» [Ревзина 2005: 72] (Разрядка моя. – Ю. С.). Этот тезис О. Г. Ревзиной очень важен не только в плане названной конференции, но и в плане современной гуманитарной науки вообще. Он является ответом (в тексте статьи широко развернутым) на упрек некоторых наблюдателей извне, будто такие широкие конференции – это доклады ни о чем конкретно. Подчеркивая, вслед за М. Фуко, роль художественного дискурса, автор статьи делает «широкий горизонтальный разрез»: «Живучесть художественного дискурса (во всем многообразии его исторических модификаций) заставляет думать о некоей сверхпрагматике...» Она «состоит в подтверждении идентификации человека как творца, который – искушаемый дьяволом или благословляемый Богом, мог бы мыслить о себе, как Мандельштам: „И я когда—нибудь прекрасное создам...“» [Ревзина 2005: 77].

Алан Матисон Тьюринг (1912–1954) является, по мнению «вступителя» (автора Вступительного слова), ключевой личностью, – как человек, который, с одной стороны, создал идеализированную модель машинного вычислительного процесса, «**машину Тьюринга**», а с другой, – тончайшее обоснование биологического «Автопоэзиса». Перед концом жизни он выпустил «Химические основы морфогенеза» (1951–52 гг.) [Turing 1952]. В этой работе он писал: «Моя цель – обсудить возможный механизм, которым гены той или иной зиготы могут определять анатомическое строение результирующего организма» [Turing 1952: 37]. Здесь буквально и прямо указано на то, что в рамках нашей конференции названо «Автопоэзисом», «Автомодельностью» или «Autopoetica» и проходит в линии другой изотемы ниже.

Как отмечено выше, участники конференции образуют «изотематизм» не только идей, но и стиля. Так, Тьюринг, на взгляд «вступителя», касается того же, чего коснулись В. В. Фещенко и особенно О. Г. Ревзина в ее идее «сверхпрагматики», – «творчества, побуждаемого Богом». Вот каким образом это конкретно протупает.

Тьюринг после ряда интереснейших выводов, которые я не могу профессионально математически развить, подводил читателя к работе **Дж. Х. Джинса** (1927 г.) «Математическая теория эластичности и магнетизма»: «Хорошо известно, что любая функция на поверхности сферы, или по крайней мере любая, которая сходным образом возникнет в какой—либо физической проблеме, может быть „расширена в сферические поверхностные гармоники“ (can be „expanded in spherical surface harmonics“) [Turing 1952: 70]. Идею гармонического анализа, „гармоник“ по существу развивает и В. В. Фещенко в ряде своих докладов и статей, хотя, кажется, без самого термина „гармоники“ (см., например, [Фещенко 2006б], а также его „параллельные портреты“ братьев Я. и М. Друскиных в связи с книгой Михаила Друскина „Вопросы музыкальной драматургии оперы“ [Друскин 1952]).

Семиотикам известно и то, что первой европейской книгой по семиотике была изданная Дж. Валлисом в Лондоне в 1682 г. работа Птолемея «Гармоника» (см. далее **И з о т е м а 5**).

Б. Н. Белинцев (1952–1988) в нашей науке может считаться прямым продолжателем А. Тьюринга в силу своей работы «Физические основы биологического формообразования» [Белинцев 1991]. В Предисловии к ней **М. В. Воль—кенштейн** писал: «В чем состоит значение данной книги для биолога? Морфогенез – одна из наиболее глубоких и „вечных“ про-

блем биологии. Разрешить ее – значит понять, каким образом в ходе индивидуального развития, а также органической эволюции из относительно однородных зачатков возникают сложнейшие пространственно упорядоченные структуры. Долгое время казалось, что проблема эта сугубо биологическая, что явления морфогенеза не только не могут быть объяснены физическими законами, но даже им противоречат. Лишь сравнительно недавно, в середине 50–60-х годов нашего века наметились достаточно содержательные (а не прежние чисто декларативные) возможности подхода к морфогенезу как к физическому процессу. Однако вплоть до самого последнего времени и эти возможности выражались, главным образом, в построении „демонстративных“ моделей, которые показывали, как мог бы, в принципе, протекать биологический морфогенез, но которые очень плохо или вовсе не стыковались с реальными биологическими данными. Это, естественно, порождало скепсис биологов по отношению к физическим и модельно—биологическим подходам, рождало мнение, что физико—математические подходы к морфогенезу – не более чем некоторая ни к чему не обязывающая игра.

Работы Б. Н. Белинцева – одни из первых, в которых сделаны весьма существенные шаги на пути смыкания эмпирических данных современной биологии развития с физико—математической теорией. Мне не известны в мировой науке другие работы, где физическая теория развития поставлена на столь прочный биологический фундамент».

Что же сделал Б. Н. Белинцев и о чем рассказано в книге?

Б. Н. Белинцев сформулировал основы теории самоорганизации развивающегося зародыша. В 1952 г. Тьюринг опубликовал статью, озаглавленную «О химической основе морфогенеза». В этой работе было показано, что открытая химическая система, в которой реализуются автокаталитические реакции и диффузия, способна к самоорганизации – в результате неустойчивости возникает неоднородное распределение вещества в пространстве, происходит нарушение симметрии.

Б. Н. Белинцев показал, что морфогенез не сводится к чисто химическим явлениям. Важнейшую роль здесь играют механохимические процессы. Физико—математическая модель Б. Н. Белинцева использует теорию нелинейных дифференциальных уравнений. «В нелинейных диссипативных системах реализуются неустойчивости и бифуркации. Установлены условия, при которых в клеточных пластах возникают спонтанные переходы с понижением симметрии, т. е. самоорганизация. В книге с помощью этих моделей исследованы конкретные биологические системы» [Волькенштейн 1991: 7–8].

Понятие с а м о о р г а н и з а ц и и возникнет далее в нашей другой изотеме – 10.

Представитель новой науки о ценозах, **Б. И. Кудрин**, главный редактор междисциплинарного журнала «Общая и прикладная ценология», в аннотации об издании журнала пишет: «При подготовке специалистов высшей квалификации все большее значение приобретают изучение эволюционных изменений и необходимость решения глобальных и частных проблем, с которыми приходится сталкиваться при управлении сообществами (cenose, cenosis), образующимися в физической, биологической, технической, информационной, социальной реальностях. Речь идёт о замеченных и уже обсуждающихся в течение более чем 100 лет законах и закономерностях, определяющих разнообразие и одинаковость.

В России с 1996 г. ежегодно проводятся международные и общероссийские научно—практические конференции и семинары, посвящённые исследованию ценозов, а в области самоорганизации, синергетики, фрактальности, нелинейности – ежемесячные обсуждения междисциплинарного подхода, к которым привлечены крупнейшие отечественные и зарубежные учёные».

В русле технического ценоза возникают новые – для всей науки, как «цено—логии», так и чисто гуманитарной, – термины, например, «э н е р г и к а», отличный от общеизвестного «энергетика». Доклад Б. И. Кудрина носит по существу программный характер как для лекси-

кологов—гуманитариев, так и «технарей» – «Проблема создания словаря для новых областей технического знания», в кн.: [Гуманитарная наука сегодня, 2006: 13].

Поскольку конкретным объектом науки о ценозах оказываются самые различные произведенные человеком предметы, артефакты, в противопоставлении их созданиям природы, то тем самым фактически открывается новое глобальное разделение наук – наука об артефактах и наука о «натурфак– т а х», как, скажем, система Линнея.

Жан Бодрийяр, кажется, первый спросил: «Поддается ли классификации буйная поросль вещей – наподобие флоры или фауны, где бывают виды тропические и полярные, редкие мутации, исчезающие виды? В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, „гаджетов“, в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый... бытовые вещи стремительно размножаются, потребностей становится все больше... Так возможно ли расклассифицировать этот мир вещей, меняющийся на глазах?..» [Бодрийяр 1995: 3].

Кажется, что Франция, как всегда, всех опередила и, как всегда, захватила все «социальное», поскольку Ж. Бодрийяр еще раньше выпустил другую книгу на тот же сюжет – «Общество потребления. Его мифы, его структуры» [Bau—drillard 1970]. Русского перевода вовремя не появилось, поскольку не появилось самого достаточного потребления.

Впрочем, нельзя не отметить, что «сытно потребляющая» Франция не во всем опередила Россию. Вот как раз в этом ужасе потребления вспомнили и Россию. Первая глава у Бодрийяра называется: «Подлинная литургия по объекту потребления», а всей книге предпослан (данный, по—видимому, издателем) эпиграф из **Ф. Достоевского** («Записки из подполья», I, VIII):

Да осыпьте его [человека] всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, [– так он вам и тут, человек—то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает]. (О Достоевском ниже в разделе о «Национальных концептах».)

Впрочем, во французском переводе слова, взятые нами в скобки, опущены.

Таким образом, тема о дискурсах и ценозах, начатая здесь безобидным дуновением вроде опахала против мух, – неизбежно, как всегда и получается в гуманитарной науке, переходит в плотные сюжеты о зле, кровавости и конфликтах, заложенных в природе человека. И это – наши следующие изотемы (особенно б).

6. Изотема 6

Концептный анализ и роль имени в языке науки Генрих Шлиман, археолог Трои & Зигмунд Фрейд, археолог психоанализа

Содержание настоящего очерка – по—прежнему «тонкая пленка» цивилизации. Мы намерены обратить внимание на одну ее своеобразную изоглоссу (или «изофору»). Г. Шлиман из—за своих слишком глубоких раскопок древней Трои на холме Гиссарлык (копал прямо по вертикали, в глубину) «проскочил» мимо подлинной Трои эпохи Троянской войны, которая осталась выше.

По современным научным представлениям, то место, где (по вертикали) копал Г. Шлиман, включает в себя 9 слоев – 1-й снизу (т. е. в самой глубине) – это «первая Троя», V тыс. до н. э.; «Троя Шлимана» – 6-я, ок. 1300 г. до н. э.

Как же теперь ответить на вопрос «Где находится Троя, которую открыл Г. Шлиман?» С одной стороны, это все то же м е с т о, н а з ы в а е м о е Т р о е й, но это лишь при условии, что мы называем его «по поверхности», и совсем другое, а именно 6-е снизу, если мы называем его в глубину, «по вертикали»? Но, кажется, никто не указывает, скажем, Москву или Париж как «место по вертикали».

Все такие понятия, как место, дата, адрес и т. п. являются не только материальными, но ментальными, или даже логико—математическими (как будет показано ниже).

Но вернемся к З. Фрейду.

Подобно Г. Шлиману, З. Фрейд из—за своих тонких изысканий, из—за слишком глубинного психоанализа, ушел вниз; «тонкая пленка цивилизации» – и в этом состоит ее подлинная, актуальная для нас «тонкость» – на самом деле не так тонка, как всюду мыслилось Фрейду, часто лежит не в подсознании, а просто в сознании, хотя и достаточно тонком.

Можно сказать и несколько иначе. «Тонкость» сознания, которую мы рассматриваем в нашем случае, все же достаточно тонка, но лежит не там, где «тонкость Фрейда». Ниже рассмотрим два сопоставимых «случая».

Наш фрейдовский пример – знаменитый «Эдипов комплекс», открытый З. Фрейдом. Но для начала один характерный штрих. После тончайших утверждений самого З. Фрейда другое из последних по времени в этом ряду – замечание З. Вендлера (1986): «Эдип знал, что он женат на Иокасте. Не знал же он того, что он женат на собственной матери. Все же на самом деле брак Эдипа с Иокастой равнозначен браку Эдипа с собственной матерью. Следовательно, если верно, что его трагедию вызвал брак с собственной матерью, то должно быть верным и то, что его трагедию вызвал брак с Иокастой (хотя второе из двух утверждений менее информативно)» (цит. далее работа, с. 272). Но тогда «на самом деле» сложнейшим переживаниям Эдипа и сложнейшим описаниям З. Фрейда, может быть, еще более сложным, чем само описываемое переживание, в сущности предшествует очень простой факт – неудачная женитьба? Но что такое «факт»? Об этом ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.